

УДК 32:303.8+311

## ЗАДАЧИ КОММУНИКАТИВНОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

*Рыскельдиева Л.Т.*

*Статья ставит вопрос о задачах философского исследования текста и коммуникации. Текстовая и знаковая природа действительности в наши дни наглядно представлена условиями массовой коммуникации и виртуальной реальностью. Это обстоятельство автоматически делает актуальными междисциплинарные коммуникативные и текстологические исследования. Отмечается активная роль лингвистики в совокупности таких исследований. Специфика философских исследований в этой области определяется понятием «смысл». Формулируются задачи философской текстологии: коммуникативная (определение существенных для смысла различий между устным и письменным текстом, решение вопросов адекватной интерпретации и корректной реконструкции смысла), телеологическая (определение целей текстовой деятельности), формальная (анализ связи смысла текста с его форматом и жанровыми особенностями).*

**Ключевые слова:** *текст, коммуникация, лингвистика, смысл, междисциплинарность*

### **Введение.**

Если специфику современной философии давно принято определять с помощью понятия «поворот», то поворот от чего имеется при этом в виду? От традиционной и сохраняющей следы систематичности философии: от онтологии, гносеологии, социальной философии и даже истории философии. Куда ведет этот поворот? К тому, что принято считать одним из главных признаков современности и актуальности, – к междисциплинарности. В совокупности междисциплинарных гуманитарных исследований хорошо видны две точки пересечения разных наук – это понятия «текст» и «коммуникация», они и стали основанием целого ряда междисциплинарных исследований. В контексте, который задают эти понятия, место бытия занимает язык как мир смыслов, место познания – истолкование, место общества – Другой как механизм порождения общности. Цель данной статьи: определить тип и место философского исследования текста в коммуникативном контексте и сформулировать задачи такого исследования.

В использовании понятий «текст» и «коммуникация» в философских исследованиях видно, прежде всего, стремление к конкретности и даже особому эмпиризму. С одной стороны, здесь сказывается известный комплекс

«методологической неполноценности» наук о человеке и обществе, засвидетельствованный еще со времен классического позитивизма О. Конта. С середины 19 века явно и неявно начинает бытовать мнение о том, что настоящие ученые – это физики и математики, а гуманитарии – болтуны и дармоеды. В контексте мировоззрения Просвещения это мнение кажется очевидной и несомненной истиной. Однако интеллектуальный и технический опыт 20 века позволяет говорить не только о стремлении гуманитарного знания иметь свои собственные эмпирические основания, но и о его прогностическом потенциале. Поэтому, с другой стороны, использование понятий «текст» и «коммуникация» отвечает именно нынешним реалиям, порожденным компьютерами и всемирной Сетью: реальность здесь именно текстовая (или знаковая), здесь постоянно возникают и исчезают именно коммуникативные (в целях обмена информацией) сообщества. Исследование этой реальности, а также ее связи с той, которой она параллельна, без этих понятий невозможно или неадекватно. Таким образом, реальность или действительность, изучение или освоение которой является главным делом познания и практики, для сегодняшнего исследователя имеет тексто-коммуникативный характер, а сами текстология и коммуникативистика неустранимы из современных социогуманитарных исследований. Какова специфика тексто-коммуникативных исследований в философии?

В ответе на этот вопрос можно столкнуться с парадоксом: специфика исследований текста и коммуникации в философии состоит в том, что они рискуют утратить свою специфику. При этом есть все основания рассматривать такой ответ вне риторики, так как особенности философской коммуникации и философского исследования коммуникации, особенности философского текста и философского исследования текста размываются в предметной неопределенности междисциплинарных исследований, а в их совокупности последнее время задает тон лингвистика. Именно лингвистика и, в целом, филология сейчас оказывает самое заметное влияние и на философию, и на все социальное и гуманитарное знание.

Впрочем, знаковый и текстовый характер реальности неизбежно связан с междисциплинарным характером ее изучения. Плодотворность принципа междисциплинарности уже общепризнана и, в соответствие с этим принципом, исследование в рамках уже устоявшихся дисциплинарных границ всегда хуже, чем то, которое их преодолевает. Кроме того, что этот принцип содействует реальной – в мире мыслей и в жизненном мире – коммуникации между учеными разных направлений, он оказался, так сказать, наукопорождающим. Например, ставшая в наши дни авторитетной и распространившая свой предмет на широкое поле культуры семиотика есть ни что иное, как результат интерференции логических, аналитических и коммуникативных исследований. А традиционная текстология, долгое время бывшая всего лишь одним из разделов литературоведения, становится «местом встречи» психологов, социологов, историков, лингвистов и др., – так текстологическая компонента становится почти обязательной для целого ряда социогуманитарных исследований.

Что делает актуальным именно философское исследование текста? В чем его специфика? Судя по всему, его главную задачу и отличие от исследований междисциплинарных нельзя определить без использования термина «смысл». Не без оснований причисляемый порой к лишним сущностям и эффективно-прагматично сводимый к совокупности значений, смысл остается ключевым понятием философии, ориентированной на исследование языка, текста и коммуникации. Это понятие способно и поставить, и решить метафизическую проблему – с одной стороны, сохраняя «полноту» философии и её ядро, с другой стороны, избежав, казалось бы, неизбежной для теории умозрительности, пустоты и бесплодности. Философское исследование смысла при этом развивается в двух направлениях: сформированном тем, как философы анализируют и интерпретируют разные тексты (тексты культуры, в том числе), и сформированном тем, как они же анализируют и интерпретируют собственно философские тексты. Философское исследование текста и исследование философского текста – вот два основных направления в философской текстологии. Их нельзя развивать без учета коммуникативной ситуации в тексте или, иначе, коммуникативной структуры текстовой деятельности в философии.

Философия (как тип рефлексии, как дискурс, как вид деятельности и др.) по своей сути всегда реализуется в текстах, но при этом она всегда как бы «больше», чем текст: есть сверх-текстовая и экстра-текстологическая компонента всей философской культуры. То, «на что» философия больше, чем текст, это и есть коммуникация. Это означает, что философская текстология непременно должна иметь коммуникативные параметры, либо опираясь на них, либо, по крайней мере, всерьез учитывая характеристику коммуникативной ситуации философского текста.

### **1. Исследования коммуникации.**

В определенном смысле, в настоящее время все гуманитарные науки исследуют коммуникацию – по крайней мере, проследить коммуникативную компоненту каждой из них не составляет труда. Пока удается выявить их дисциплинарную «прописку», но с каждым годом это делать все труднее: культурологи занимаются исследованием межкультурной коммуникации; филологи – речевой коммуникацией, теорией перевода, риторикой; социологи – разными видами отраслевой коммуникации, массовой и социальной коммуникацией; политологи – политической коммуникацией и PR-технологиями; психологи – межличностной коммуникацией. В России действует «Российская Коммуникативная ассоциация» (<http://www.russcomm.ru/>). Например, известное британское издательство «Taylor&Francis» Online предлагает 58 журналов под рубрикой «Communication Studies». В ней есть под-рубрика «Communication Theory», в которой значится 1 журнал под названием «Journal of Applied Communication Research» (<http://tandfonline.com/toc/rjac20/current>), а прикладные аспекты коммуникативных исследований следующие: риторика (5 журналов), политика (4), организационная (7), массовая (11), межкультурная (7), здоровье (5) (<http://taylorandfrancisgroup.com/>). При этом в совокупности коммуникативных исследований всегда обнаруживается некая неопределенная промежуточная сфера или «зона свободы», которую чаще

всего называют «теорией» коммуникации: в этой зоне может оказаться любой, способный рассуждать о том, что такое коммуникация, эта зона всегда открыта для новых идей. Показательно название первого раздела коллективной монографии, изданной Санкт-Петербургским философским Обществом – «Философия коммуникации: необходимость новых идей» [10].

В сфере исследования коммуникации роль филологов вообще и лингвистов в частности особо заметна. Вторая половина 20 века была не только временем лингвистического поворота, но и поворота практического, прагматического, дискурсивного, коммуникативного. Теория дискурса, дискурс-анализ, языковая прагматика, разные направления семиотики и когнитология не обошлись без активного участия языковедов, способствовавших объединению ученых в междисциплинарные исследовательские группы. «Изучение функционирования текста в коммуникации становится задачей междисциплинарных исследований, в которых лингвистике принадлежит ведущая роль», – пишет О.Л. Каменская в конце 80-х г.г. прошлого века [4, с. 3]. И, думается, именно под влиянием лингвистики понятие «коммуникация» получило самое широкое употребление из всех возможных: под коммуникацией сейчас понимается любой вид общения и взаимодействия, и такое понимание встречается чаще всего. Полагаю, что философский подход к этому понятию будет работать, по меньшей мере, на сужение его объема. Но как именно?

Определения понятия «коммуникация» – не простая задача, несмотря на то, что таких определений несть числа. Но если его определять через значение общения и сообщения, то тут возникнет такая же тавтология, как в словосочетании «социальная коммуникация»: *societas* – общество, *commune* – общность. Кажется очевидным, что понятие «социальный» (общественный) применяется к тому, что уже есть, сложилось и, чаще всего, естественным путем (буржуазное общество, общество потребления) или существует на договорной основе (общество филателистов, общественные институты). Понятие «коммуна», как кажется, относится к общности становящейся или создаваемой, чаще всего, в противовес социальному (на этом основано различие рядов ассоциаций с терминами «социалистический» и «коммунистический»: при социализме все равны, а при коммунизме – все братья). Появление или создание коммуны требует иного рода общности ее членов – осознаваемого единства как идейного родства, братства не по крови, а по духу (вере, убеждениям и проч.). Такая общность не возникает сама по себе, к объяснению её сути нельзя подойти с помощью органической модели – именно поэтому пресловутый «коммунизм» должен был быть построен, а в жертву ему было принесено такое количество жизней и судеб.

Кроме определения через «общение» довольно часто принято определять коммуникацию с помощью понятия «информация»: коммуникация как обмен информацией, сообщение информации и общение по поводу неё. Употребление понятия «коммуникация» в такой связи придает ему оттенок технологический, утилитарный, инструментальный: «проложить коммуникации» = наладить коммуникацию. Один из аспектов прагматики текстового употребления этого термина призван засвидетельствовать именно современный, научный и

эмпирически обоснованный статус исследования. Но для нас интереснее то, что его семантика опять указывает на понимание коммуникации как чего-то складывающегося, возникающего, динамичного – не произвольного, но такого, на который можно воздействовать. Это обстоятельство, в свою очередь, указывает на еще один из аспектов прагматики: коммуникативное исследование вне зависимости от дисциплинарной определенности предполагает ориентацию на практику как в получении задач и материала для исследования, так и в использовании его результатов. Практически используемым результатом коммуникативного исследования, по его идее, должно стать умение «наладить/проложить коммуникацию» – будь то в совместной работе над проектом, в процессе перевода/интерпретации, в процессе убеждения/аргументации, создания социальной сети, в деле нахождения общего языка, межкультурного согласия, взаимопонимания и мира. В таком случае вполне понятно то, что специфическое философское исследование коммуникации во многих отношениях можно возвести к теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса в контексте его практической коммуникативной философии.

Существует ли при этом специфически философский взгляд на исследование коммуникации? Следует ли настаивать на его необходимости? Нельзя ли согласиться с тем, что информационный подход в наше время может претендовать на статус общегуманитарного (или даже общенаучного!) основания, благодаря которому старые дисциплинарные границы исчезнут, и поделом им? Зачем философии, которая от века порождала, отпочковывала от себя науки, тревожиться по поводу «чистоты рядов» исследователей и заботиться о том, чтобы к «своим» не затесались «чужие»? Эти вопросы нельзя рассматривать только в контексте дисциплинарного пуризма, их острота становится очевидной, если под коммуникацией понимать именно то, ради чего и в связи с чем в русский язык без перевода вошел этот романо-германский термин – осмысленное общение, общение ради понимания, специфически человеческий, культурный способ взаимодействия разумных существ, общение ради общности. Видимо, именно философия коммуникации призвана постоянно обращать внимание на эту «добавку» к процессу взаимодействия – на смысл, в чем, судя по всему, испытывает необходимость только человек.

## **2. Исследования текста.**

С середины 20 века текст становится «универсальным объектом» – и не без оснований. Эпоха всеобщей грамотности, массовых тиражей, средств массовой информации – все это признаки если не заката, то самого расцвета «эры Гутенберга», эры Письма, сам феномен которого пытаются постичь и философы, и художники масштаба Ж. Деррида и П. Гринуэя. Но по существу и изначально из всех философских дисциплин только история философии всегда близка к текстологии непосредственно, так сказать, эмпирически. Но последнее время эта близость стала осознанной и рефлексивной. С 2014 г. Работает проект Института философии РАН «Анатомия философии: как работает текст». Подчеркну общественную значимость проекта, осуществившего союз библиотеки и

академической философии. Его организаторы при этом выразили надежду на то, что размышление о текстах в процессе коммуникации (студентов, аспирантов, всех интересующихся философией) поможет понять, что есть современная философия, и какова её роль в современном обществе ([http://iph.ras.ru/anatomia\\_text.htm](http://iph.ras.ru/anatomia_text.htm)).

Последние полтора десятилетия отечественной философской культуры отмечены появлением специальных философских исследований текста, осуществленных не историками философии. В частности, работа И.Т. Касавина [6], которая исследует соотношение языка, текста, знания и дискурса, а также работа А.П. Алексеева [1], в которой анализируется как «аргументационный ресурс текста», так и «необходимость сравнений и метафор» в философском тексте. Однако самый заметный толчок философские исследования текста до сих пор (и уже не один век!) получают от практики переводов классических текстов, от востоковедов-компаративистов. Упомянем только возникшую во второй половине 20 века дискуссию по поводу «неписаной» философии Платона [2], [7]. Историко-филологическая проблема и предмет спора платоноведов порождены несколькими пассажами из диалогов, где Сократ ругает письменность (вообще, как таковую!) и воспекает диалектику как искусство устной беседы. Значит ли это, что он не все выразил в диалогах, и даже более того, сознательно утаил от записи главное? Значит ли это, что у Платона было никак письменно не зафиксированное учение, которое он тайно излагал только в академических лекциях? А позволяет ли письмо полностью выразить философию, все ли философские истины можно записать, то есть, передать всем другим, умеющим читать, и есть ли в философии эзотерическое ядро? Вот какой набор вопросов естественно возникает при знакомстве с историко-филологическими проблемами «платоновской критики письма в «Федре» и «седьмого письма Платона» [8].

Несмотря на то, что философия всегда и во все времена проявляла себя только в текстовой деятельности (и нам все же рано хоронить книжную форму ее существования [5]!), она по своей сути – «больше», чем текст. Другими словами, можно утверждать, что во всей философской культуре существует и проявляется сверх-текстовая и экстра-текстологическая компонента. То, «на что» философия больше, чем текст, – это и есть коммуникация по поводу смысла. И философский текст поэтому – «больше», чем объект филологической текстологии, для его адекватного понимания никогда не достаточно средств литературного анализа и критики. Это означает, что философская текстология непременно должна иметь коммуникативные параметры, либо опираясь на них, либо, по крайней мере, всерьез учитывая характеристику коммуникативной ситуации философского текста. Справедливость требует отметить, что это обстоятельство никогда не было скрыто от выдающихся филологов. Б.А. Успенский, например, тонко подметил разницу между тем, как понимает текст логик и как его понимает филолог. Перед лингвистом – текст, каким он может быть и бывает, а перед логиком – такой, каким он должен быть [9, Глава III]. Лингвист Успенский отрицает саму возможность бессмысленных языковых выражений, тогда как логик Витгенштейн строит всю свою философию на их допущении. Не из-за дисциплинарных ли различий так трудно дать определение понятию «текст»? И.Р. Гальперин отмечает, что «те схемы,

процедуры и решения, которые мы находим у разных теоретиков лингвистики текста, носят скорее умозрительный характер» [3], поэтому своей задачей он видит описание и анализ лишь «интуитивно воспринимаемых признаков текста».

### Формулировка задач.

Итак, участие философов в исследовании коммуникации и текста выражается в формате коммуникативного текстологического исследования. Задачи такой философской текстологии определяются, с одной стороны, спецификой анализа философского текста и, с другой стороны, спецификой философского анализа текста. В обоих случаях специфика определяется смыслом любого рода текста, а смысл имеет коммуникативную природу. Тогда задачи нашей текстологии можно сформулировать следующим образом:

1. Коммуникативная задача философской текстологии. В неё входит: учет и реконструкция коммуникативной ситуации в тексте; вопрос о соотношении чтения и письма (что значит «читать», а что значит «писать» тексты); вопрос о соотношении вкладываемого и вычитываемого смысла (что такое правильная интерпретация и адекватная реконструкция?).

2. Телеологическая задача философской текстологии. В неё входит учет и определение цели текстовой деятельности в философии: ради чего пишут и зачем читают философские тексты?

3. Формальная задача философской текстологии. В неё входит учет и прояснение связи между смыслом, целью и формой/форматом текста, определение его жанровых особенностей и их связи с выразительными возможностями.

### Список литературы

1. Алексеев, А.П. Философский текст: идеи, аргументация, образы / А.П. Алексеев. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 328 с.
2. Васильева, Т.В. Писаная и неписаная философия Платона / Т.В. Васильева // Поэтика античной философии. – М.: Академический Проект; Триеста, 2008. – С. 505-528.
3. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное / И.Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
4. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация: Учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / О.Л. Каменская. – М.: Высш.шк., 1990. – 152 с.
5. Карьер, Ж.-К. Не надейтесь избавиться от книг! | Интервью Ж.-Ф. де Тоннака / Ж.-К. Карьер, У. Эко / Пер. с фр. и примеч. О. Акимовой. – СПб.: «Симпозиум», 2010. – 336 с.
6. Касавин, И.Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И.Т. Касавин. – М.: Канон+, 2008. – 437 с.
7. Мочалова, И.Н. Аристотелевское прочтение Платона, или была ли у Платона неписаная философия / И.Н. Мочалова // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – Т. 4. – Вып. 3. – 2013. – С. 80-87.
8. Слезак, Т.А. Как читать Платона / Т.А. Слезак / Пер. с нем., предисл. и примеч. М.Е. Буланенко. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 314 с.
9. Успенский, Б.А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство / Б.А. Успенский. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 320 с.
10. Философия коммуникации: проблемы и перспективы: монография / Под редакцией д.ф.н. проф. Клягина, д.ф.н., проф. О.Д. Шипуновой. – СПб.: Изд-во Политехн.ун-та, 2013. – 260 с.

**Ryskeldiyeva L.T. The Objectives of Communicative Textology** // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 54-61.

The article raises the question of the tasks of philosophical research of text and communication. Textual and symbolic nature of reality nowadays is clearly shown by terms of mass communication and virtual reality. This fact automatically makes interdisciplinary communication and textual studies relevant. Active role of linguistics in the aggregate of such research is noted. Specifics of philosophical research in this area are defined by the concept of “sense” (meaning). The distinction between the terms “communicative” and “social” is shown. The most important researches in philosophy of text (in Russia) are mentioned. In accordance with these issues the problems of philosophical textology are formulated: communicative (definition of the differences between spoken and written text, which are essential to the meaning (or sense), solution of issues concerning adequate interpretation and correct reconstruction of the meaning (or sense)), teleological (defining objectives of textual activity in general); formal (analysis of relevance between meaning of the text and its formatting and genre features).

**Keywords:** text, communication, linguistics, meaning, interdisciplinarity

### References

1. Alekseev, A.P. Philosophical Text: Ideas, Argumentation, Images / A.P. Alekseev. – M.: Progress-Tradition, 2006. – 328 p.
2. Vasil'eva, T.V. Written and Unwritten Philosophy of Plato / T.V. Vasil'eva // Ancient Philosophy Poetics. – M.: Academic Project; Triksta, 2008. – P. 505-528.
3. Gal'perin, I.R. Text as an Object of Linguistic Research. Ed. 5th, stereotypical / I.R. Gal'perin. – M.: KomKniga, 2007. – 144 p.
4. Kamenskaya, O.L. Text and Communication: Textbook for institutes and departments of foreign languages / O. L. Kamenskaya. – M.: High School, 1990. – 152 p.
5. Carriere, J.-Cl. Do not Depend to Get Rid of the Books! | Interview of J.-Ph. de Tonnac / J.-Cl. Carriere, U. Eco / Transl. from fr. & comments by O. Akimova. – SPb.: «Symposium», 2010. – 336 p.
6. Kasavin, I.T. Text, Discourse, Context. Introduction to Social Epistemology of Language / I.T. Kasavin. – M.: Canon+, 2008. – 437 p.
7. Mochalova, I.N. Aristotelian Reading Of Plato Or Whether Plato Has an Unwritten Philosophy / I. N. Mochalova // Reporter of the Russian Christian Humanitarian Academy. – Vol. 4. – № 3. – 2013. – P. 80-87.
8. Szlezak, T.A. How to Read Plato / T.A. Szlezak / Transl. from ger., preface and notes M.E. Bulanenko. – SPb.: Publishing House of St. Petersburg university, 2008. – 314 p.
9. Uspenskiy, B.A. Ego Loquens: Language and Communication Space / B.A. Uspenskiy. – M.: Russian State Humanity University, 2007. – 320 p.
10. Philosophy of Communication: Problems and Prospects: monograph / Ed. by of doctor of philos. sciences, prof. Klyagin, doctor of philos. sciences, prof. O.D. Shipunova. – SPb.: Publishing house Politehnical university, 2013. – 260 p.